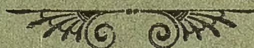
Н. К. Грунскій,

орд. профессоръ университета св. Владиміра.

О преподаваніи русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ въ высшей школѣ.

(Вступительная лекція).

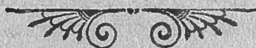
КІЕВЪ.
Типографія Университета Св. Владиміра Акц. Общ. печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговъ ул., № 6.
1917.

Н. К. Грунскій,

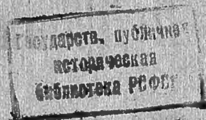
орд. профессоръ университета св. Владиміра.

О преподаваніи русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ въ высшей школѣ.

(Вступительная лекція).

КІЕВЪ.
Типографія Университета Св. Владиміра Акц. Общ. печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингов. ул., № 6.
1917.

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

О преподаваніи русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ въ высшей школѣ.

(Вступительная лекція).

Въ своей вступительной лекціи я хочу подѣлиться нѣкоторыми соображеніями общаго характера относительно того, какъ можно было бы, по моему мнѣнію, наиболѣе цѣлесообразно поставить курсы русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ принимая во вниманіе состояніе науки и требованія практическаго характера. Подъ послѣдними я подразумѣваю тѣ знанія по грамматикѣ, которыя необходимы всякому преподавателю русскаго языка.

Задачи изслѣдованія русскаго языка и сама область изслѣдуемаго очень обширны. Развитіе и измѣненіе отдѣльныхъ словъ со стороны ихъ звуковъ (такъ называемая фонетика), формъ (морфологія), образованіе словъ (этимологія), выработка и измѣненіе значенія словъ (семазіологія), законы сочетанія словъ, строй такъ называемаго предложенія, его образованіе и измѣненіе (синтаксисъ), исторія литературнаго языка, отношеніе его къ различнымъ говорамъ, изученіе этихъ послѣднихъ (діалектологія), вліяніе на литературный языкъ и народные говоры языковъ иностранныхъ.

Университетскіе курсы по русскому языку обнимаютъ обыкновенно фонетику и морфологію въ ихъ историческомъ развитіи, такимъ образомъ касаются только звуковой стороны языка, съ этой же стороны освѣщаютъ и данныя діалектологіи (т. е. изученія отдѣльныхъ яоворовъ) и иногда, при томъ лишь вскользь, касаются другихъ сторонъ гзыка. Оканчивающіе словесное отдѣленіе историко-филологическаго факультета выносятъ обыкновенно общее знакомство съ тѣмъ, что

представляетъ русскій языкъ среди другихъ славянскихъ языковъ отличнаго въ отношеніи фонетическомъ и морфологическомъ, какія звуковыя особенности характеризовали этотъ языкъ въ древнѣйшія стадіи его существованія, признаки какихъ нарѣчій русскихъ можно прослѣдить по древнѣйшимъ памятникамъ. Выносится знакомство съ исторіей различныхъ звуковыхъ измѣненій, главнымъ образомъ съ XI по XIV вв., и съ такими же измѣненіями въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ. Между тѣмъ, какъ въ жизни уже въ качествѣ преподавателя, бывшему студенту приходится имѣть дѣло совсѣмъ съ инымъ. Приходится имѣть дѣло съ такъ называемой „этимологіей" (которая содержитъ въ себѣ части того, о чемъ трактуетъ научный синтаксисъ, отрывки изъ фонетики, морфологіи и лишь отчасти дѣйствительной этимологіи) и синтаксисомъ: кромѣ того, приходится имѣть дѣло съ цѣлымъ отдѣломъ правилъ правописанія, которыя часто не имѣютъ никакого отношенія къ законамъ языка. И что же получается на практикѣ? Университетскій курсъ, какъ неприложимый къ жизни, забывается, приходится обращаться къ различнымъ грамматикамъ, составленнымъ сплошь и рядомъ безъ всякихъ научныхъ основъ, путаться въ лабиринтѣ и, въ концѣ концовъ, съ притупленнымъ вниманіемъ избрать какую-либо проторенную дорожку, успокоиться на какой-либо ложной хотя и цѣльной системѣ.

Уже давно обращено вниманію на ложность построенія нашихъ грамматическихъ учебниковъ. Само собою какъ бы напрашивается обвиненіе нашей науки въ томъ, что она не способствуетъ улучшенію изученія языка, и это обвиненіе справедливо, несмотря на частичныя попытки подойти на помощь средней школѣ въ этомъ отношеніи.

Первоначально русскимъ литературнымъ языкомъ былъ языкъ древне-церковно-славянскій. Религіозно-церковный характеръ древнерусскаго просвѣщенія былъ причиною того, что церковно-славянскій языкъ надолго удержалъ значеніе языка литературнаго. Только въ XVII и наиболѣе ясно въ XVIII в. выступаетъ уже русскій языкъ въ качествѣ языка литературнаго. Для древнерусскихъ книжниковъ даже не было сомнѣнія въ томъ, что церковно-славянскій и языкъ русскій тожественны. Въ періодъ господства на Руси церковно славянскаго языка въ качествѣ языка литературнаго создаются уже основы для будущаго выступленія въ этой роли языка русскаго. Прежде всего русскій языкъ находитъ себѣ выраженіе и обработку въ разнообразныхъ грамотахъ и законодательныхъ актахъ. Постепенно

создается, такимъ образомъ, дѣловой языкъ съ извѣстными терминами, съ извѣстнымъ однообразіемъ въ своемъ синтаксическомъ строѣ. Этотъ языкъ образуется не безъ вліянія той церковно-славянской письменности, въ которой дьяки, приказные были очень начитаны. Если въ памятникахъ древне церковно-слав. писменности, переписанныхъ или составленныхъ но Руси, мы замѣчаемъ проявленіе особенностей русскаго языка, то нечего говорить о томъ, что русскій языкъ въ различныхъ грамотахъ уже выступаетъ гораздо болѣе ярко. Онъ стремится прежде всего какъ-бы прорвать ту плотину, которая была создана церковно-славянской графикой, къ помощи которой приходилось прибѣгать и при этихъ самостоятельныхъ попыткахъ. Уже на первыхъ порахъ дѣловой языкъ не могъ совпадать съ языкомъ разговорнымъ, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе отставалъ отъ этого языка, въ силу уже своихъ застывавшихъ рамокъ, въ которыя съ трудомъ входили новые обороты, новыя слова. Если разговорный русскій языкъ вліялъ на церковно-славянскую письменность, производя въ ней нѣкоторыя измѣненія, несогласныя съ строемъ церковно славянской рѣчи, то нечего говорить о томъ сильномъ вліяніи, которое имѣла церковно-славянская письменность на разговорный русскій языкъ. Послѣднее обстоятельство является очень важнымъ и съ той точки зрѣнія, что этотъ разговорный языкъ легъ гл. образомъ въ основу русскаго литературнаго языка.

Такимъ образомъ дѣлается вполнѣ яснымъ все значеніе церковно-славянскаго языка въ созданіи русскаго литературнаго языка, дѣлается понятнымъ появленіе въ этомъ послѣднемъ элементовъ языка церковно-славянскаго. Церковно-славянская стихія вошла широкимъ русломъ въ русскую жизнь. Языкъ церкви, родственный по своимъ основамъ, проникалъ въ душу народную; съ этимъ языкомъ шелъ цѣлый рядъ новыхъ понятій, новыхъ словъ, которыя дѣлаются обиходными въ русской жизни. Конечно, особенно сильнымъ проводникомъ этой стихіи являлось русское духовенство, которое должно было передать даже и внѣшній фонетическій строй новаго языка. Произношеніе звуковъ др.-церковно-славянскаго языка представителями русскаго духовенства приняло нѣкоторый искусственный оттѣнокъ; это произношеніе только отчасти подходило къ настоящему произношенію, и въ то же время оно повліяло и на произношеніе чисто русскихъ словъ. Такимъ образомъ, даже вновь создавшаяся фонетика церковнаго произношенія сыграла роль въ исторіи русскаго языка.

Изъ сказаннаго понятно, какое важное значеніе имѣетъ изученіе церковно-славянскаго языка въ исторіи разработки языка русскаго. Но и самъ по себѣ, независимо отъ языка русскаго, языкъ древне-церковно-славянскій представляетъ собою прежде всего для филолога очень важный и интересный матеріалъ. Много неясныхъ, темныхъ страницъ представляетъ исторія первоначальной церковно-славянской письменности. Много вопросовъ вызываетъ она въ умѣ изслѣдователя. Здѣсь находится почва и для историка церкви и политическихъ отношеній, здѣсь же возникаютъ вопросы чисто этнографическаго характера и узко лингвистическіе. Предъ изслѣдователемъ находятся нѣкоторые историческіе памятники, свидѣтельствующіе объ этой эпохѣ, но памятники эти сравнительно уже поздняго времени, освѣщаютъ предметъ нѣсколько односторонне, не безъ извѣстныхъ вымысловъ, преданій, а иногда даже противорѣчиво. А затѣмъ, предъ изслѣдователемъ, какъ загадка, находятся древнѣйшіе церковно-славянскіе памятники, это—переводы или отрывки изъ переводовъ свящ. Писанія и книгъ богослужебныхъ, но также по всѣмъ даннымъ не относящіеся ко времени первоначальной церковно-славянской письменности, хотя и тѣсно съ ней связанные и представляющіе отчасти копіи съ оригиналовъ этой эпохи.

Много уже трудовъ посвящено разработкѣ этихъ вопросовъ. Начало церковно-славянской письменности, ея первые шаги и развитіе въ Моравіи и Паннопіи, трагическая судьба ея въ этихъ странахъ, и затѣмъ расцвѣтъ въ иной странѣ, родственной хотя и инославянской, неотразимо влекутъ къ себѣ вниманіе славистовъ. На протяженіи болѣе чѣмъ 100 лѣтъ занимаются этими вопросами слависты, стремятся вглядѣться въ эту загадочную и священную для насъ даль вѣковъ. На протяженіи всего перваго вѣка славистики, какъ науки, Кирилло-Меѳодіевское время является однимъ изъ главныхъ центральныхъ ея пунктовъ. Но и въ настоящее время мы не можемъ представить себѣ цѣльной и полной картины этой эпохи.

Здѣсь, когда мы обратимся къ университетскимъ курсамъ, то увидимъ, что вниманіе изслѣдователей обращено главнымъ образомъ на фонетику древне-церковно-славянскихъ памятниковъ, на палеографію и изслѣдованіе историческихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ дѣятельностью славянскихъ первоучителей.

Менѣе изучена морфологія и почти совсѣмъ въ тѣни остался синтаксисъ, изученіе котораго представляетъ особенныя трудности въ

виду переводнаго характера древнѣйшихъ памятниковъ. На первый взглядъ страннымъ можетъ показаться, что въ нашей научной литературѣ по древне-церковно-славянскому языку до сихъ поръ не имѣется труда, который раскрывалъ бы въ достаточной полнотѣ всю картину разработки въ данной области, который вводилъ бы студента-филолога во всѣ тѣ трудности, которыя приходится встрѣчать изслѣдователямъ. Были попытки составленія такихъ трудовъ: нѣкоторые труды уже устарѣли, въ другихъ же—новѣйшихъ мы встрѣчаемся съ кореннымъ недостаткомъ—догматизмомъ въ изложеніи, чего не должно быть, такъ какъ догматизмъ въ области, которая представляетъ собою рядъ неразрѣшенныхъ загадокъ, которая вызываетъ много сомнительныхъ объясненій, является лишь отрицательной стороной.

Если мы перейдемъ въ область изученія церковно-славянскаго языка въ средней школѣ, то прежде всего должны констатировать неудачу прохожденія церковно-славянскаго языка въ средней школѣ въ теченіе многихъ лѣтъ. Стоитъ только просмотрѣть рядъ учебниковъ по древне-церковно-славянскому языку и убѣдиться вполнѣ, сколько горя, озлобленія могло вызвать изученіе ихъ въ сердцѣ школьника. Память, одна только память требовалась для чисто механическаго изученія того, что часто не отдавая себѣ отчета, а лишь въ силу традиціи принималъ составитель учебника; затѣмъ совершенно ненужныя детали, мелочи, которыя могли бытъ полезны только при практическомъ изученіи языка. Въ послѣднее время пришли къ заключенію, что древне-церковно-славянскій языкъ въ средней школѣ долженъ преподаваться какъ введеніе къ болѣе научному изученію русскаго языка. Попытки построенія такихъ учебниковъ, впрочемъ, не дали вполнѣ благопріятныхъ результатовъ.

Наша школа переживаетъ въ настоящее время трудную долю. Она терпитъ перестройки. Раздаются голоса за полную ея ломку, за то, что не стоитъ накладывать заплатъ, что необходимо новое зданіе. Среди общества раздаются рѣзкіе отзыви о негодности программъ, учебниковъ, о томъ, что составляются будто бы эти программы и учебники не съ точки зрѣнія живой дѣтской и юношеской души, а съ точки зрѣнія какой-то черезчуръ отвлеченной, далекой отъ жизни, что вся наша средняя школа это «какіе-то объѣдки со стола учебнаго, спутанные и испорченные черновики ученыхъ конспектовъ». И если это такъ, то не прямая ли обязанность университетскаго

преподаванія—прежде всего озаботиться тѣмъ, чтобы прійти на помощь своей младшей сестрѣ?

Конечная цѣль преподаванія въ университетѣ: это—научить, какъ работать въ данной научной области, выработать такимъ образомъ изъ слушателя научнаго работника. Но это—конечная цѣль. Приходится иногда задаваться и меньшими желаніями въ виду того, что жизнь требуетъ гораздо меньше научныхъ работниковъ, чѣмъ людей способныхъ къ практической дѣятельности. Первое, что возникаетъ предъ преподавателемъ высшей школы: это познакомить съ общимъ состояніемъ своей науки, съ тѣми результатами, къ которымъ она пришла, и хотя отчасти развернуть методъ научной работы. Необходимо возбудить въ слушателѣ активное при томъ вниманіе, чтобы сдѣлать его соучастникомъ того, что дается на лекціяхъ. Необходимо, чтобы на лекціяхъ шла такимъ образомъ обоюдная работа—со стороны лектора и со стороны слушателей, чтобы читаемое не воспринималось пассивно. Для этого, конечно, прежде всего необходимо возбудить интересъ. И вотъ здѣсь, въ послѣднемъ случаѣ положеніе преподавателей различныхъ предметовъ очень различно: есть предметы, которые не могутъ претендовать на особый интересъ, предметы, къ которымъ часто приступаютъ уже съ составившимся заранѣе предубѣжденіемъ. Къ такимъ предметамъ, я не ошибусь, если отнесу прежде всего древне-ц.-славянскій языкъ, а затѣмъ—и языкъ русскій. Многіе, вѣдь, поступая на словесное отдѣленіе, руководятся, кромѣ другихъ соображеній, своимъ интересомъ къ литературѣ и на изученіе языка смотрятъ лишь, какъ на неизбѣжное зло. На предубѣжденіе противъ изученія языка дѣйствуютъ особенно сильно въ качествѣ пережитковъ тѣ тяжелыя воспоминанія, которыя остаются, какъ результатъ прохожденія различныхъ грамматическихъ системъ въ средней школѣ. Прежде всего, такимъ образомъ, приходится считаться съ этимъ и стремиться уничтожить эти пережитки и поддержку находить также въ томъ интересѣ, который можетъ быть возбужденъ научнымъ изслѣдованіемъ предмета, обращающимъ самый сухой предметъ, правда—не для всѣхъ, въ живой, полный интереса организмъ. Приходится иногда искать поддержку и въ томъ практическомъ значеніи, которое имѣетъ изученіе языка въ дальнѣйшей жизни слушателя, студента-словесника. И въ университетскихъ курсахъ приходится строго проводить законы дидактики, безъ которыхъ занятія могутъ превратиться въ безсистемную, никому ненужную работу. И

здѣсь необходима постепенность, на первыхъ порахъ должно обращать вниманіе на главное, минуя различныя мелочи, которыя могутъ быть интересны уже при болѣе спеціальномъ изученіи. Это главное должно быть связано съ хорошо уже извѣстнымъ матеріаломъ, но не путемъ только сопоставленія, а путемъ уясненія, уловленія различныхъ причинъ, законовъ языка.

Считаясь съ данными разработки науки русскаго языка и съ высказанными соображеніями практическаго характера, я свои курсы построю такимъ образомъ. Прежде всего я не буду излагать исторіи разработки русскаго языка, какъ это дѣлается иногда. Подобный курсъ я хотя и считаю важнымъ, потому что онъ можетъ отчасти вводить изучающаго въ область изучаемаго, въ общемъ можетъ помочь ему въ будущемъ лучше оріентироваться, но въ то же время бѣглое знакомство съ трудами часто превращается въ мертвый капиталъ, въ насиліе надъ памятью, подобное знакомство не можетъ дать того, что даетъ уже болѣе подробное при каждомъ отдѣлѣ, при изученіи каждаго отдѣльнаго вопроса.

Введеніемъ въ изученіе русскаго языка я ставлю небольшой курсъ, посвященный физіологіи звуковъ русскаго языка.

Нельзя сказать, чтобы въ настоящее время наука о звукахъ человѣческой рѣчи достигла особенно крупныхъ результатовъ. Дѣло изслѣдованія звуковъ поставлено, конечно, на гораздо болѣе научную почву, но отъ многихъ выводовъ, все же, вѣетъ крайней неустановленностью, неточностью. Изобрѣтены приборы, которые графически характеризуютъ нѣкоторыя основныя стороны звуковъ рѣчи (высоту, силу), но приборы эти, все же, не могутъ считаться въ точности передающими характерные признаки звуковъ. Изобрѣтены другіе способы также для изслѣдованія артикуляціонныхъ движеній нашихъ органовъ рѣчи, но и здѣсь далеко отъ полной точности. Въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ по физіологіи звуковъ часто поражаетъ мелочность наблюденій, иногда даже какая-то безполезность этихъ наблюденій, а въ общихъ итогахъ, къ которымъ приходятъ эти изслѣдованія, отсутствіе общихъ законовъ. Но и здѣсь надо считаться съ тѣмъ, что наука эта сравнительно молодая. Несмотря, однако, на многія неточности, недочеты, несмотря на то, что выводы, къ которымъ приходитъ посредствомъ своихъ опытовъ такъ называемая экспериментальная фонетика, кажутся добытыми и ранѣе посредствомъ простого наблюденія, нельзя не признать видимыхъ вполнѣ успѣховъ, которые

достигнуты этой научной областью. Нельзя не считаться также съ тѣмъ, что ранѣе сдѣланныя наблюденія основывались главнымъ образомъ на акустическихъ чувствованіяхъ, а послѣднія не всегда могутъ быть точными опредѣлителями. Уже на первыхъ порахъ научнаго изученія русскаго языка представляется крайне необходимымъ выяснить отношеніе русской азбуки къ звукамъ русскаго языка. Необходимо это прежде всего потому, что грамматика средней школы даетъ намъ совершенно неправильное освѣщеніе звуковъ нашего языка и отношенія этихъ звуковъ къ условнымъ знакамъ ихъ передачи, сложившимся не на нашей почвѣ. Грамматика до сихъ поръ очень мало обращала вниманія на изученіе звуковъ: она все свое вниманіе обращала на буквы, оправдывая какъ бы тѣмъ самымъ свое названіе. Несмотря на нераздѣльность звука и мысли въ каждомъ словѣ, является полная возможность ихъ раздѣленія при изученіи, есть возможность изученія только звуковъ, составляющихъ слова, есть возможность изученія чисто внутренней стороны словъ, т. е. со стороны выражаемыхъ ими мыслей.

Если языкъ, какъ нѣчто цѣльное, есть фикція, если каждый языкъ состоитъ изъ разнородныхъ нарѣчій, то естественно прежде всего и должно быть знакомство съ нарѣчіями русскаго языка. Сама «исторія русскаго языка» есть прежде всего исторія его нарѣчій и, конечно, языка литературнаго. Правда, прослѣдить исторію русскаго языка, возсоздать картину русскихъ нарѣчій или даже менѣе того— ихъ участія въ созданіи русскаго литературнаго языка представляется дѣломъ не только очень труднымъ, но иногда даже невозможнымъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, представляющихъ собою копіи съ оригиналовъ древне-церковно-славянскихъ, усматриваются лишь крупицы русскихъ нарѣчій. Я говорю: «усматриваются», потому что часто мы, собственно, не можемъ быть увѣрены, дѣйствительно ли та или другая «особенность» должна быть отнесена на долю русскаго переписчика, а не составляетъ въ сущности собственности оригинала или, можетъ быть, является простою опискою. Чѣмъ болѣе изучаются древне-ц. слав. памятники, южно-славянская и русская діалектологія, тѣмъ болѣе шансовъ къ научной оцѣнкѣ разнообразныхъ фактовъ древне-русскихъ памятниковъ, тѣмъ менѣе долей субъективизма при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ «крупицъ». Если въ настоящее время для передачи различныхъ звуковыхъ особенностей того или другого нарѣчія, говора, прибѣгаютъ къ строго фонетическимъ воспроизведеніямъ,

и эти послѣднія не всегда удаются, то можно себѣ вообразить, какъ трудно было для передачи и даже невозможно то, что облекалось въ способъ традиціи. Въ тискахъ этой традиціи были и составители различныхъ актовъ, грамотъ—памятниковъ хотя и болѣе позднихъ, но зато болѣе цѣнныхъ для исторіи русскаго языка. Изъ сказаннаго ясно, почему я выдѣляю попытки возсоздать какъ бы «историческую діалектологію». Такъ какъ «исторія русскаго языка» часто сводится къ предположеніямъ того или другого изслѣдователя, то я и стремлюсь выдѣлить эти части.

Лишь ознакомившись хорошо съ современнымъ состояніемъ русскаго языка, можно перейти къ изученію памятниковъ прошлаго времени. Если мы посмотримъ на исторію разработки русскаго языка, то мы будемъ наблюдать совершенно противоположное теченіе, т. е. прежніе изслѣдователи прямо приступали къ изученію древнихъ русскихъ памятниковъ безъ достаточнаго знанія русскаго языка. Это и повело къ множеству ошибочныхъ заключеній. Знакомство съ современными русскими нарѣчіями и говорами можетъ намъ ясно показать, каковы существуютъ законы въ языкѣ. Въ живомъ употребленіи языка удерживаются самыя разнообразныя формы, формы неодинаковой древности. Иногда мы видимъ здѣсь остатки глубокой старины, иногда то или другое явленіе обязано своимъ происхожденіемъ самому позднему времени. Живыя нарѣчія, отдѣльные говоры иногда скорѣе могутъ дать намъ матеріалъ для исторіи языка, чѣмъ языкъ письменный, такъ какъ въ языкѣ письменномъ отразилось далеко не все, самъ же языкъ письменный является искусственнымъ по своему происхожденію.

Какъ я уже сказалъ, для изученія древне-русскихъ памятниковъ необходимо знаніе древне-ц. славянской письменности. Изученіе этой послѣдней, какъ мною также указано, должно быть поставлено и независимо отъ значенія древне-ц. слав. языка для языка русскаго. Общій курсъ древне-ц.-слав. языка можетъ быть веденъ такъ, что нѣкоторые вопросы изложены были бы съ извѣстной детальностью. Этого требуетъ характеръ самого предмета изслѣдованія. Ограничиться здѣсь догматическими рамками значитъ, въ сущности, не дать ничего. Въ области древне-ц.-славянскаго яз. на каждомъ шагу для изслѣдователя возникаютъ сомнѣнія, и это даетъ возможность съ особенной рельефностью обозначить здѣсь методы изслѣдованія, ввести слушателя въ лабораторію научной работы. Этотъ общій курсъ

явится, такимъ образомъ, и подготовительнымъ къ курсу спеціальному—изученію детальному отдѣльныхъ древне-ц.-слав. памятниковъ.

Возражая противъ догматизма въ изложеніи фактовъ древне-ц. слав. языка, я, въ то же время, и противъ той крайней субъективизаціи, той крайней гипотетичности, которая обнаруживается не только въ отдѣльныхъ трудахъ, но и въ цѣломъ научномъ направленіи, создавшемся въ послѣднее время. Часто бываетъ гораздо лучше остановиться, и сказать, что дальше у насъ не имѣется данныхъ для заключеній, чѣмъ строить гипотезы, которыя только заграждаютъ пути дальнѣйшаго изслѣдованія. Какъ то ни странно, бываетъ, что въ заключеніе спеціальнаго изслѣдованія, мы должны сказать: поставленные главные вопросы не могутъ быть рѣшены. Эта субъективизація коснулась особенно фонетики, области, которая является болѣе изученной вообще въ сравнительномъ языкознаніи и, въ частности, въ древне-церковно слав. языкѣ: широко поставленное сравнительно-историческое изученіе славянскихъ языковъ, детальное изученіе ихъ фонетики дало возможность перенести нѣкоторые общіе и затѣмъ частные вопросы въ область др.-ц. слав. языка. Создалась теорія о выраженіи различныхъ діалектовъ въ др.-ц. слав. памятникахъ, создавались и создаются различныя гипотезы о произношеніи того или другого звука, скрытаго подъ мертвою, мало говорящею буквою. На основаніи возстановляемыхъ звуковъ др.-ц. слав. языка и данныхъ другихъ языковъ славянскихъ стремятся возстановить и звуки общеславянскаго періода, и вотъ здѣсь-то особенно приходится задаваться вопросомъ, возможно ли создать близкую къ дѣйствительности картину діалектическихъ особенностей славянскаго праязыка, когда мы не можемъ начертить даже болѣе или менѣе удовлетворительной схемы діалектическаго разнообразія того языка, изъ котораго возникъ первый книжный языкъ славянъ. Стоитъ затѣмъ взять изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ и критику на эти изслѣдованія, чтобы убѣдиться, что и здѣсь мы стоимъ въ области лишь гипотезъ, одними защищаемыхъ, другими опровергаемыхъ. Немудрено, поэтому, стремленіе у нѣкоторыхъ ученыхъ болѣе переходить къ накопленію фактовъ, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ получаются болѣе убѣдительные выводы.

Послѣ изученія древне-ц.-славянскаго языка и ознакомленія съ русской діалектологіей непосредственно можетъ итти изученіе памятниковъ древне-русскихъ и прежде всего палеографической стороны

этихъ памятниковъ. Постепенно выясняется матеріалъ по вопросу о созданіи и исторіи русскаго литературнаго языка.

Монографическое изученіе памятниковъ древне-ц.-славянскихъ и древне-русскихъ я выдѣляю въ спеціальные курсы, при чемъ это изученіе непосредственно связываю съ практическими занятіями. Въ своихъ спеціальныхъ занятіяхъ я хотѣлъ бы болѣе всего обратить вниманіе на синтаксическія явленія русскаго и древне ц.-слав. языка, прежде всего потому, что синтаксисъ менѣе разработанъ и въ то же время болѣе необходимъ для слушателя въ его будущей практической дѣятельности. Мнѣ представляется особенно важнымъ начинать изученіе синтаксическихъ вопросовъ путемъ историческимъ, потому что въ этомъ отдѣлѣ какъ-то усваивается ошибочная точка зрѣнія—изученія отъ современнаго строя въ виду только того, что при изученіи синтаксиса особенно важно чутье языка. Между тѣмъ, при историческомъ изученіи многія явленія нашего языка до того дѣлаются ясными и простыми, не требуютъ тѣхъ субъективныхъ измышленій, къ которымъ прибѣгаютъ изслѣдователи, основывающіеся главнымъ образомъ на собственномъ обманчивомъ чутьѣ языка. Историческое изученіе языка и, въ частности, синтаксиса дастъ возможность критически отнестись ко всему тому, что находится въ нашихъ многочисленныхъ учебникахъ по синтаксису. Здѣсь приходится говорить объ учебникахъ уже потому, что нашей педагогической литературѣ приходилось выступать въ качествѣ даже литературы научной, такъ какъ составители нѣкоторыхъ учебниковъ стремились внести нѣчто свое въ пониманіе строя предложеній.

Историческое изученіе языка раскрываетъ съ полной убѣдительностью основы на первый взглядъ непонятныхъ явленій языка. Уже одно простое бѣглое сравненіе нашего синтаксическаго строя и древне русской письменной рѣчи заставляетъ уподобить послѣднюю древнимъ рисункамъ безъ перспективы: въ ней нѣтъ центра, предложенія текутъ другъ за другомъ, эти предложенія раздѣльны, самостоятельны, иногда неокончены:

«А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити... А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти... А которые господине слуги потягли къ дворьскому.... и мнѣ тѣхъ не примати»... Вотъ небольшой образчикъ рѣчи, когда зависимость между предложеніями не была такъ сильно развита, и въ этихъ и подобныхъ предложеніяхъ мы открываемъ первоначальную

картину нашей литературной рѣчи, теперь уже компактной по своему характеру. На помощь къ даннымъ древне-русскихъ памятниковъ, конечно, можетъ прійти и народная рѣчь, сохранившая много архаизмовъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣры древне-русскаго языка и современной народной рѣчи могутъ дать прекрасную иллюстрацію того, какъ строй предложеній паратактическій постепенно переходилъ въ строй гипотактическій.

Возьму примѣръ. Условныя предложенія въ нѣкоторыхъ грамматикахъ относятся къ предложеніямъ самостоятельнымъ, въ другихъ— къ придаточнымъ, третьи грамматики отмѣчаютъ ихъ бо́льшую самостоятельность сравнительно съ другими придаточными предложеніями. То же—относительно предложеній уступительныхъ. И только историческое изученіе строя предложенія откроетъ намъ и ясно представитъ данный вопросъ. Изъ исторіи языка мы узнаемъ, что зависимость нѣкоторыхъ предложеній получается только со временемъ, что ранѣе вполнѣ самостоятельныя предложенія дѣлаются предложеніями, которыя принято у насъ называть не совсѣмъ правильно «придаточными». При этомъ, естественно, что эта ихъ прежняя самостоятельность сказывается или, скорѣе, чувствуется теперь (для однихъ—менѣе, для другихъ—болѣе). Въ этомъ и будетъ объясненіе тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, которыя мы находимъ у составителей учебниковъ по отношенію къ самостоятельности или несамостоятельности нѣкоторыхъ предложеній.

Постепенное изученіе трудовъ, посвященныхъ русскому синтаксису, покажетъ, какимъ образомъ постепенно проникало чисто логическое теченіе въ область наблюденій грамматическихъ, какъ постепенно понятія, извлеченныя изъ логики, придавали цѣльность замѣчаніямъ грамматическаго характера. Основныя данныя логики до того вошли въ рамки грамматики, что сдѣлалось чрезвычайно труднымъ ихъ отдѣлить. Эти начала, придавъ цѣльность самой грамматической системѣ, на самомъ дѣлѣ, не подвинули изученія синтаксиса, а затормозили его ходъ.

Не ошибусь, если скажу, что изученіе русскаго литературнаго языка и теперь находится въ какомъ-то сравнительномъ пренебреженіи. Прежде подобное отношеніе объяснялось увлеченіемъ всѣмъ народнымъ, такъ называемымъ тогда безыскусственнымъ. Не создалось такимъ образомъ традиціи для изученія литературной рѣчи, и немно-

гочисленныя попытки изученія языка отдѣльныхъ писателей слишкомъ ничтожны, слишкомъ малорезультатны. И занимаются изученіемъ русскаго литературнаго языка больше представители не науки, а практики языка—преподаватели средней школы. «Сущность и назначеніе языка литературнаго, замѣчаетъ одинъ изъ представителей языкознанія, имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ стремленіе къ застою, стремленіе къ тому, чтобы задержать языкъ въ его естественномъ теченіи». Подобное, надо сказать, одностороннее пониманіе литературнаго языка характеризовало и характеризуетъ собою отношеніе многихъ ученыхъ. Между тѣмъ, всякій литературный языкъ и особенно русскій (въ силу его особыхъ историческихъ условій образованія) полонъ глубоко-историческаго интереса и представляетъ своеобразныя стороны въ своей жизни и развитіи. О практическомъ значеніи изученія литературнаго языка и говорить нечего, и это прежде всего и сказалось въ попыткахъ изученія его со стороны практиковъ-педагоговъ средней школы.

Если бы мы захотѣли написать подробную исторію нашего литературнаго языка, то должны были бы войти въ подробное изложеніе всего того, что было сдѣлано въ этомъ случаѣ не только писателями крупными, но и писателями часто заурядными, войти въ подробную характеристику всѣхъ тѣхъ вліяній, которымъ подчинялись эти писатели. Сдѣланное въ данномъ случаѣ даже крупными писателями не представляется вполнѣ учтеннымъ наукой. Отмѣчены, впрочемъ, тѣ общія направленія, которыя появляются съ тѣмъ или инымъ русскимъ писателемъ.

Господа! Я далъ Вамъ сейчасъ сухую схему предполагаемыхъ моихъ занятій. Я боюсь входить въ детальное обсужденіе какого-либо изъ вопросовъ, потому что выполненіе начерченной схемы и ея развитіе будетъ зависѣть не только отъ меня. Какъ Вы уже замѣтили, я подчеркивалъ значеніе аудиторіи, и работа этой послѣдней обусловитъ, во многомъ даже планъ работы моей. Вы могли замѣтить, что я не приверженецъ системы лекціонной. Въ преподаваніи особенно языка лекціонная система часто приводитъ къ совершенно нежелательнымъ результатамъ. Она мѣшаетъ возможности возникнуть необходимой между лекторомъ и аудиторіей связи въ обоюдной работѣ. Въ этомъ убѣждаетъ меня опытъ пережитаго въ теченіе многихъ лѣтъ. Томительные часы пришлось мнѣ самому проводить въ качествѣ студента, выслушивая и записывая различныя своего рода математическія выкладки, которыя дѣлались языковѣдами. Записывалось, трати-

лось много энергіи затѣмъ на возстановленіе часто невѣрно записаннаго безъ возможности возстановить во всемъ необходимую правильность, заучивалось для того, чтобы вскорѣ забыть. Я теперь занимаюсь языкомъ, но выйдя изъ университета, будучи оставленъ по каѳедрѣ славянской филологіи, я сначала главн. образомъ посвящалъ свои занятія исторіи литературы и палеографіи, потому что не вынесъ особенной любви къ изученію языка. Въ такомъ же положеніи былъ не я одинъ. Въ качествѣ приватъ-доцента въ Харьковскомъ университетѣ читая лекціи гл. образомъ по исторіи славянскихъ литературъ и палеографіи, я лишь по немногу началъ самостоятельно заниматься языкомъ. И постепенно это занятіе начало вытѣснять другія занятія, и уже въ Юрьевскомъ университетѣ я спеціально занялся исторіей языка, сначала древне-церковно славянскаго, затѣмъ русскаго. Такимъ образомъ, я хочу сказать, университетскія занятія не сыграли въ моей дальнѣйшей работѣ какого либо основного значенія, и я думаю, прежде всего потому, что изученіе языка не было за поставлено на надлежащую почву въ педагогическомъ отношеніи. Законы дидактики не признавались и теперь часто не признаются необходимыми въ высшей школѣ, между тѣмъ, это непризнаніе—большое заблужденіе. Я бы сказалъ, что своимъ интересомъ къ разработкѣ лингвистическихъ вопросовъ я немало обязанъ низшей и средней школѣ, въ которой преподавалъ.

Ярко представляются мнѣ мои занятія въ низшей и средней школѣ русскимъ языкомъ и полная оторванность полученныхъ мною университетскихъ знаній. Особенно запалъ въ мою память одинъ изъ первыхъ уроковъ, когда пришлось давать опредѣленія «предложенія», «подлежащаго» и «сказуемаго». Первый классъ торговой школы въ Харьковѣ. Составъ учениковъ разнообразный. Обыкновенная обстановка — вызовъ ученика къ доскѣ и заданіе писать примѣръ на доскѣ. Въ числѣ примѣровъ: «Острый ножъ хорошо рѣжетъ». Отыскивается подлежащее согласно данному опредѣленію: «подлежащимъ называется предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи». Среди учениковъ расколъ—часть, уже искушенная въ грамматическихъ познаніяхъ, опредѣляетъ какъ подлежащее: «ножъ», другая же часть учениковъ не можетъ съ этимъ согласиться и опредѣляетъ какъ подлежащее: «хорошій ножъ». Я не буду говорить Вамъ сейчасъ о томъ, какъ я поступилъ въ дальнѣйшемъ, и данную картинку я привелъ для того, чтобы нагляднѣе иллюстрировать то трудное положеніе, въ

которомъ можно очутиться на первыхъ же урокахъ по грамматикѣ. Вѣдь всмотритесь: тѣ ученики, которые опредѣлили подлежащее «хорошій ножъ», логически мыслили, они вполнѣ шли послѣдовательно за опредѣленіемъ даннымъ имъ, а, между тѣмъ, ихъ вполнѣ правильное логическое мышленіе подъ давленіемъ неправильной постановки грамматическаго изученія должно свернуть съ настоящей дороги. Вскорѣ мнѣ пришлось затронуть тотъ же вопросъ въ VII классѣ женской гимназіи при повтореніи нѣкоторыхъ отдѣловъ русской грамматики. Ученицы нисколько даже не сомнѣвались въ соотвѣтствіи опредѣленій и подгоняемыхъ примѣровъ. Не сомнѣвались въ томъ и студенты филологи, въ послѣдующее время когда я переносилъ этотъ вопросъ на ихъ разсмотрѣніе.

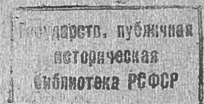
Неудивительно, что грамматика пользуется такой отрицательной славой, если ей приходится даже въ настоящемъ смыслѣ притуплять наше логическое мышленіе. Вспомните извѣстное мѣсто изъ «Недоросля». Правдинъ спрашиваетъ Митрофанушку, что знаетъ онъ по грамматикѣ— «Митрофанъ: Много. Существительна, да прилагательна... Правдинъ: Дверь, напримѣръ, какое имя: существительное или прилагательное? Митрофанъ: Дверь? котора дверь? Правдинъ: Котора дверь! вотъ эта. Митрофанъ: Эта? Прилагательна. Правдинъ: Почему же? Митрофанъ: Потому что она приложена къ своему мѣсту. Вонъ у чулана шеста недѣля дверь стоитъ еще не навѣшена: такъ та покамѣстъ существительна. Правдинъ: Такъ поэтому у тебя слово «дуракъ» прилагательное, потому что оно прилагается къ глупому человѣку? Митрофанъ: И вѣдомо».

Мы смѣемся, читая или слушая эту сцену, а между тѣмъ положеніе съ нашей учебной грамматикой во многихъ случаяхъ не менѣе трагико-комическое.

Какъ то ни странно, но даже представители новѣйшаго языкознанія—спеціалисты въ изученіи одной стороны языка дѣлаютъ непростительныя ошибки, когда берутся за работы въ другомъ отдѣлѣ той же науки и эти ошибки санкціонируютъ своимъ авторитетомъ. Вотъ небольшой отрывокъ изъ статьи одного изъ языковѣдовъ: «Прошли тысячи лѣтъ, пока постепенно развилось его (т. е. человѣка) мышленіе и сложился его языкъ. Сперва его мысль подмѣтила нѣчто общее между отдѣльными лошадьми, отдѣльными собаками, и явились слова для обозначенія лошади, собаки, дуба; позже онъ замѣтилъ

нѣчто общее между лошадью и собакою, между дубомъ и березою; явились понятія «животное, дерево» и слова для этихъ понятій... .

«Грамматика творитъ чудеса»—такъ выражались въ прежнее время. Въ значеніе грамматики вѣрили, и все школьное ученіе основывалось на ней. Считалось, что грамматика не только учитъ правильно писать но и говорить. И это было въ то именно время, когда грамматика, все же, занимала какую-то второстепенную роль по отношенію къ логикѣ, когда и на языкъ смотрѣли, какъ на послушное орудіе мысли. Теперь же мы, въ сущности, несравненно выше ставимъ грамматику, хотя въ «чудеса» ея не вѣримъ и въ то же время только скажемъ, что грамматика часто ошибается, но въ ея ошибкахъ залогъ будущаго истиннаго пониманія языка и его законовъ. Подъ грамматикой уже приходится условно подразумѣвать систематическое изложеніе законовъ устнаго и письменнаго языка,—законовъ, а не правилъ, какъ находимъ то въ старой грамматикѣ. И можетъ быть этой научной грамматикѣ постепенно удастся уничтожить то предубѣжденіе, которое за послѣднее время сложилось противъ сейя грамматической системы [1]).

[1]) Начерченный въ этой вступительной лекціи планъ мнѣ пока не удалось осуществить на практикѣ, потому что пришлось выполнять факультетскій учебный планъ. Конечно, это не помѣшало мнѣ стремиться къ выполненію поставленныхъ основныхъ задачъ. И печатая въ настоящее время свою вступительную лекцію (произнесенную въ осеннемъ семестрѣ 1915 г.), я руководствуюсь лишь желаніемъ дать нѣкоторый матеріалъ для необходимаго пересмотра существующихъ программъ и плановъ преподаванія русскаго и древне-церковно-славянскаго языковъ въ высшей школѣ и особенно необходимаго пересмотра требованій по этимъ предметамъ въ испытательной государственной комиссіи.

Нѣкоторыя изъ высказанныхъ здѣсь мыслей болѣе подробно развиты въ слѣдующихъ моихъ печатныхъ работахъ: 1. Памятники и вопросы древне-церк.-слав. письменности (т. 1-й, Юрьевъ. 1904 г.). 2. Лекціи по др.-ц.-сл. языку (Юрьевъ, 1909 г.; 2-е изд. 1914 г.). 3. Лекціи по педагогикѣ (Юрьевъ, 1908 г.; 2-е изд. 1914 г.. 4. Очерки по исторіи разработки синтаксиса слав. языковъ (I-II томы. Петерб.-Юрьевъ 1911 г.). 5. Изъ области дидактическихъ опытовъ (Юр. 1915 г.), 6. Изъ лекцій по русскому языку (в. 1- Юрьевъ 1914 г.).

50¢ 1—